

Есть ли у детского дома будущее?

Владимир Ростиславович
Рокитянский

● *гетские дома* ● *социальное сиротство* ● *статистика* ● *приёмная семья* ● *трудовое воспитание* ● *коллективизм и индивидуализм*

Начну с цифр. По данным Росстата, в России на начало 2013 года было 644 тыс. детей, оставшихся без попечения родителей. Для сравнения: после Великой Отечественной войны в СССР было 680 тыс. сирот, в 1990 году — 400 тыс. (в 2006-м эта цифра в России достигала 735 тыс.). Но в послевоенную пору дети без родителей — это дети, у которых родители либо погибли, либо их с детьми разлучила война. Дети, брошенные или отнятые государством у семьи, если и были, то в очень небольшом количестве, их число, по всей видимости, статистикой и не учитывалось. Тогда как сегодня такие дети — их стали называть «социальными сиротами» — составляют более 80%.

Поиски путей снижения остроты проблемы и устранения её наиболее тяжёлых последствий начались в конце советской эпохи и продолжились в постсоветской России. Особенно они интенсифицировались в конце 1990-х — начале 2000-х годов, подстёгнутые катастрофическими демографическими и социальными процессами капитализации страны.

Всем, конечно, понятно, что если следовать верному принципу «лечить надо причину, а не следствия» — радикальные изменения в ситуации с социальным сиротством возможны только как следствие оздоровления института семьи в стране. Работа в этом направлении, её называют «профилактикой социального сиротства», ведётся, но больших и, тем более, быстрых результатов здесь не будет. Ведь деградация семьи — следствие деградиционных процессов в экономике, социальной сфере и культуре, обернуть которые вспять — дело, будем надеяться, возможное, но очень нескорое.

По всем названным причинам в центре внимания и специалистов, и общества, и власти оказались всё-таки вопросы исправления или смягчения последствий социального сиротства, вопросы устройства детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. При этом предметом

ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ

ожесточённой полемики и борьбы стали два основных типа такого устройства — институциональный (различные сиротские учреждения, далее обобщённо: детские дома) и семейный. В последний тип обычно включают, наряду с традиционным усыновлением и обычной, безвозмездной, опекой, ещё и различные формы профессионального родительства (иначе: «возмездной опеки»), которые, хотя и существовали в очень ограниченном масштабе в нашей стране в прошлом, сейчас строятся по образцу «цивилизованных стран» Запада.

Сторонники семейного устройства как единственно допустимого решения судьбы детей, лишившихся попечения родителей, подвергают систему детских домов, доставшуюся нам в наследство от СССР, уничтожающей критике. «Система», «РосСиротПром» приравниваются к концлагерям и тюрьмам, утверждается, что они якобы необратимо калечат и не могут не калечить детей, что ни в одной цивилизованной стране мира таких учреждений давно нет.

В подтверждение приводятся огромные цифры искалеченных судеб детей, унижаемых и терпящих насилие в детских домах, пугающая статистика последующих судеб выпускников: алкоголизм, наркомания, тюрьма, самоубийства. И чуть ли не во всех случаях — неспособность нормально социализироваться в обществе, работать, создавать прочные семьи и воспитывать детей. Как следствие — вторичное сиротство, повторение детьми бывших детдомовцев судьбы их родителей: «РостСиротПром воспроизводит себя».

Некоторые критики копают глубже. Они допускают, что не везде в детских домах с детьми творятся столь чудовищные вещи, что в последние годы, благодаря помощи и контролю со стороны государства и общества, условия жизни в детских домах существенно улучшились. Однако критики «Системы» настаивают на том, что содержание ребёнка в учреждении, а не в семье неприемлемо в принципе, так как жизни в детском доме (даже в самом хорошем, и с точки зрения материальных условий, и с точки зрения подбора персонала) присущи неустранимые пороки.

И неизбежный вывод: «Система» должна быть скорее демонтирована, дети должны быть устроены в семьи. Немногие детские дома, которые можно оставить, должны быть превращены во временные (до устройства ребёнка в семью) приюты и центры организации семейного устройства, подготовки приёмных родителей и детей к новой жизни. «Ребёнок должен жить в семье!»

Массированная атака на «Систему» не прошла даром. К настоящему времени лозунг «Россия без детских домов!» звучит по всей стране и на всех уровнях, вплоть до документов верховной власти. Губернаторы отчитываются процентами закрытых учреждений и берут на себя новые обязательства. Антидетдомовская кампания набирает обороты. Более того, сами руководители и работники детских домов начинают признавать обречённость своих учреждений, готовятся к их уничтожению или преобразованию в нечто совсем другое.

В.Р. Рокитянский. Есть ли у детского дома будущее?

Сразу скажу, что моя позиция другая. Нимало не возражая против необходимости развивать семейное устройство — во всех его формах, я считаю, что такая форма коллективного воспитания осиротевших детей, как детский дом, себя вовсе не изжила, а кампанию по ликвидации детских домов считаю и нереалистичной, и вредной.

В этой статье я решаю две основные задачи.

Во-первых, спокойно и непредвзято разобрать аргументы критиков детского дома, проверить их основательность, отделить то, что действительно присуще этой форме жизни, от случайного и устранимого.

Во-вторых, предъявить своё видение путей преобразования системы государственного и общественного попечения о сиротах. Неотъемлемой частью будущей преобразованной системы я считаю детские дома. Не семья вместо детского дома, а детский дом и семья — за единством этих двух форм я вижу будущее и надеюсь это убедительно обосновать.

Статистика или ложь

Статистика — вещь хорошая. Но она должна быть надёжной и достоверной. И хотя надёжность статистики вряд ли когда-нибудь бывает стопроцентной, есть простые правила, позволяющие ею пользоваться, не опасаясь грубых ошибок. Главное из них — это знание и указание источника статистических данных, возможность его оценить. Можно, по-видимому, считать относительно надёжными данные специально проведённых исследований, если известна и приемлема их методология, и данные официальной статистики, собираемые на рутинной основе (если нет подозрений в намеренном искажении этих данных ради каких-то политических целей).

В средствах массовой информации и в публичных обсуждениях проблем сиротства чаще всего фигурируют две группы статистических оценок — данные о распространении в детских домах преступлений против личности ребёнка и данные о судьбе выпускников «Системы».

Людмила Петрановская, психолог, руководитель ею же основанного Института развития приёмного устройства и активный борец с «Системой», как-то вбросила в информационное пространство несколько цифр о насилии в детских домах. Приведу их в том виде, как они прозвучали в декабре 2012 года в исполнении Юлии Латыниной на радиостанции «Эхо Москвы» — именно в этой версии они с тех пор повторяются всеми и вся как абсолютно достоверный, статистически обоснованный прогноз (речь шла о предполагаемой судьбе детей, которых не разрешили усыновлять американцам): «Доживут до 18 лет далеко не все. До 30 лет — мало кто. Изнасилованы будут процентов 60, избиты, мокнуты головой в унитаз — 80%, унижены, оскорблены — 100%». Спросив лично у Петрановской о происхождении этих цифр, я выяснил, что это — её «интуитивная» оценка, сделанная на основе «разговоров с сотнями приёмных родителей», якобы «узнавших о таких фактах от взятых ими на воспитание детей». Всё!

ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ

У меня нет других данных, более надёжных. Получить их можно было бы, только проведя тщательное, на нескольких разных выборках, исследование — таких исследований нет, и это один из серьёзных недостатков системы в целом. При их отсутствии можно лишь предположить, что такие явления наверняка встречаются (и не только в детских домах, но и в школах, детских лагерях отдыха и в семьях), но масштабы... Бог весть, какие они?!

О постинтернатной судьбе выпускников. Цитирую ту же Юлию Латынину в той же передаче: «10% выпускников детских домов кончают жизнь самоубийством, а в наркоманов и алкоголиков превращаются 40%. Это официальные цифры». Эти «официальные цифры» (обычно к ним ещё добавляются 40% «пополняющих преступный мир») уже не один год гуляют по Интернету, телепередачам, кинофильмам на сиротскую тему, статьям специалистов и речам обывателей. Часто со ссылкой на Генпрокуратуру. Между тем попытки выяснить их источник — в том числе в Генпрокуратуре и МВД — успеха не приносят: нет такого источника!

Общероссийского или регионального учёта судеб выпускников сиротских учреждений не существует; муниципальные данные, данные служб постинтернатного сопровождения или редких детских домов, такой учёт ведущих, вместе не сводятся — ещё один вопиющий недостаток. Конечно, *качественный* вывод из многих наблюдений и исследований, что у выпускников дела с последующей социализацией обстоят плохо, очевиден. Это давно признано и привело к тому, что и в самих учреждениях, и с выпускниками ведётся работа по подготовке к будущей жизни, дающая некоторые результаты. Но печальная правда тут в том, что, по всей видимости, причины этих трудностей действительно связаны с многолетним пребыванием ребёнка в детском доме — *таким, каков он сегодня*. Но это вопрос преобразования и развития детских домов, к которому я перейду позже.

А сейчас — цифры против цифр. Мои цифры — не по России в целом, а по одной из областей: Смоленской, из которой я недавно вернулся, но зато их источник мне точно известен и у меня подозрений не вызывает. Это данные, которые мне сообщили в смоленском Центре поддержки выпускников сиротских учреждений «Точка опоры», о поступлении выпускников на учёбу в высшие, начальные и средние профессиональные учебные организации или об иной судьбе.

Год	Кол-во выпускников	9 классов	10 классов	11 классов	ВУЗ	НПО	СПО	Продолжение обуч. в школе	Иное	Трудоустройство
2012	138	107	13	18	3	47	76	11	1	—
2013 (на 02.08.2013)	115	92	10	13	9	20	73	12	1	—

В.Р. Рокитянский. Есть ли у детского дома будущее?

Иное, как мне пояснили, в данных за 2012 год значит, что воспитанник находится в кровной семье, за 2013-й — находится в розыске, то есть бежал.

Всё это плюс личные впечатления от детских домов, в которых я бывал, и от тех, о которых читал или слышал, позволяет мне сформулировать первый из выводов в защиту детского дома как формы сиротского устройства:

Мрачная картина, которую рисуют критики детских домов, неточна. Наряду с плохими детскими домами существует какое-то, вероятно, немалое количество таких, где детям, лишившимся семьи, хорошо и где их неплохо готовят к самостоятельной жизни. А раз что-то существует, значит, такое возможно.

О «неустраняемых пороках» казённого учреждения и возможностях их устранения

Выбрал из потока обвинений в адрес детских домов несколько наиболее часто повторяющихся. Вот эти обвинения — с моими комментариями:

- *Тотальная регламентированность жизни, жёсткий режим.*

Говорят: «на воле» мы так не живём и в семьях детям предоставляем много свободы, приучая их этим к самостоятельности, к умению распоряжаться собой, своим временем. Говорят: режим, «обязаловка» не считаются с самочувствием ребёнка, его настроением. Он «не может прилечь днём, потому что в спальню чаще не пускают. Он не может «пожевать» что-то между приёмами пищи, как это делают дети дома, потому что во многих учреждениях еду из столовой выносить нельзя. Отсюда — «психологический голод», когда дети даже из самых благополучных детских домов со сбалансированным пятиразовым питанием, попадая в семью, начинают беспрерывно и жадно есть» (это из блога Людмилы Петрановской, которую я уже цитировал — наиболее последовательного и основательного критика «Системы»).

Но вопрос о педагогическом, гигиеническом и аскетическом (не обязательно в религиозно-монашеском смысле слова, аскеза — это самодисциплина) значении режима не решается наскоком в пользу «свободы», как это получается у многих современных психологов и педагогов постмодернистской эпохи. У зрелого человека распущенность — это порок, а воспитать способность к самодисциплине без принуждения в детстве к порядку с постепенным дозированным переходом от него к сознательной самодисциплине невозможно. Хорошей исторической иллюстрацией к этому принципу может служить воспитание в культурных аристократических семьях Западной Европы и России, вплоть до семей монархов.

Другое дело, что ради административного удобства в детских домах пренебрегают как раз постепенностью и дозированной переходом от режима к относительной свободе — жизнь старших воспитанников часто столь же регламентирована, как и жизнь малышей. Это — недостаток, и нужно думать о его устранении.

ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ

- *Отсутствие возможностей для принятия решений, проявления самостоятельности.*

Собственно говоря, это то же самое, о чём шла речь в предыдущем пункте, но в более широком контексте. Практически всё в жизни воспитанника определяется за него взрослыми, не остаётся места для выбора и для связанного с ним риска, а значит, и для формирования чувства ответственности. «Странно ожидать, что люди, у которых до 18 лет было 100% гарантий и 0% свободы, вдруг в 18 лет, словно по мановению волшебной палочки, узнают, что значит отвечать за себя и за других, как распоряжаться собой, как делать выбор... Не готовя ребёнка к жизни и ответственности, мы обрекаем его на гибель. Или намекаем, что во взрослом мире для него есть только одно место — «зона», где нет свободы, но и нет ответственности» (Л. Петрановская). Это — очень серьёзное и отчасти справедливое обвинение. Но я могу ответственно утверждать, что и сейчас этот порок не повсеместен (а значит, не присущ с необходимостью детскому дому). А обращение к прошлому — перечитайте «Педагогическую поэму», было ли там хоть что-нибудь подобное? — показывает и чем он вызывается: отсутствием в большинстве современных детских учреждений трудового воспитания, осмысленной коллективной деятельности. Как я буду настаивать ниже, восстановление её в правах — одно из главных направлений преобразования и развития детского дома.

- *Диктат безопасности.*

Любящие взрослые всегда тревожатся за своих детей, оберегают их от опасности. Парадокс воспитания ребёнка в детском учреждении состоит в том, что, хотя в среднем воспитателям детского дома и авторам инструкций, регламентирующих их действия, вверенные им дети вряд ли более дороги, чем свои дети родителям, боятся они за детей значительно больше и склонны исключать из их жизни всё, что связано с риском. Авторы инструкций, таких как «СанПиНы», через регламентацию, а воспитатели и администрация — через неукоснительное соблюдение регламента: не дай Бог что случится! Различие между ситуациями семьи и учреждения состоит, очевидно, в том, что на место непосредственного любовного внимания к ребёнку, жизненного опыта и здравого смысла в учреждении претендует жёсткая инструкция, не способная к учёту особенностей ребёнка и ситуации. Тоже реальная и важная проблема, и тоже требующая учёта в программах преобразования и развития детского дома. Но, уверен, она разрешима — опять-таки в условиях осмысленной деятельности, где и риск (без которого не бывает жизни) становится осмысленным.

- *Иждивенчество, убеждённость сироты, что весь мир ему должен.*

Жизнь ребёнка начинается в условиях, когда все его потребности обеспечиваются без его участия. В нормальной семье и в том более широком окружении, куда дитя выходит по мере возрастания, растёт и доля его трудового участия — в самообслуживании, в общих делах семьи, в делах школы и других коллективов. Что-то из этого есть, конечно, и в современном детдоме (личная гигиена, уборка помещений), но в целом доля гаран-

В.Р. Рокитянский. Есть ли у детского дома будущее?

тированной заботы там, безусловно, зашкаливает. На эту ситуацию накладывается ещё и ментальная составляющая: сознание незаслуженно перенесённых страданий, обделённости и связанных с ними ожиданий. Волонтеры, спонсоры — всё работает на укрепление этого сознания. Противостоять этому эгоцентрическому и эгоистическому сознанию может только одно: воспитание потребности быть нужным, привитие ценности служения. Быть нужным, служить, помогать можно и нужно начинать с детства. Замечательно ведь, что глухие дети из костромской школы-интерната шефствуют над умственно отсталыми детьми из Первомайского интерната!

Ну и, разумеется, иждивенчеству противостоит трудовое воспитание.

● *Закрытость учреждения, отгороженность от мира.*

Типичное обвинение в адрес «Системы»: государство держит детей «за бетонным забором». Само слово «интернат» вроде бы прямо про это. И вроде бы это однозначно плохо — напоминает о местах заключения. Но попробуем разобраться, о какой закрытости (и наоборот, желанной открытости) идёт речь и в чём её причины и основания. Сначала по понятию. Открытость/закрытость — куда и откуда? Пространство может быть открыто вовне (для выхода) и закрыто внутрь (для входа). И наоборот. Это раз. Далее — для кого или чего? Нас может интересовать открытость для людей (могут ли выходить дети? впускают ли взрослых и детей внутрь?) и для информации (контроль извне, поступление информации изнутри). И ещё один план: участие в жизни и деятельности, во внешней — для детдомовцев, во внутренней — для, скажем, волонтеров. Рассмотрим по порядку.

Могут ли дети свободно выходить за пределы детского дома? Ну, во-первых, нужно различать детский дом, воспитанники которого учатся в обычной школе, и школу-интернат, где дети и живут, и учатся. В первом случае, везде, где довелось бывать, ситуация вполне аналогична семейной; в нормальном детдоме, как и в семье, маленьких в школу водят, а большие ходят или ездят сами. Что касается свободы выхода по другим поводам — в гости к друзьям, кино или куда-то ещё, то да, свободу передвижения детдомовца склонны ограничивать (как в строгой семье), что прямо связано с тем, о чём шла речь выше — диктатом безопасности и режимом. Мера свободы, привязанная к возрасту, безусловно, нужна, и это — проблема.

Что же касается интернатов (не только сиротских, но и специализированных, религиозных и сословно-элитарных), то эта форма образования и воспитания существует столетиями. За ней стоит идея выделенного пространства, закрытого не только для физических опасностей, но и для влияний окружающего мира, развращающих или отвлекающих от достойных занятий. Соответственно, и обсуждать её — если мы хотим программировать будущее — нужно в этом широком историческом контексте, который в пределы этой статьи не вмещается.

Говоря о свободе входа в детский дом, нужно отвечать на вопрос: зачем? Свободный вход для кого угодно, увы, в наше опасное и опасливое время

ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ

не реален — достаточно вспомнить об охранниках в городских школах и о кодовых замках в наших подъездах. Это в городах, а в сельской местности, как я лично убеждался, такой вопрос обычно и не встаёт.

Вопрос получения информации о жизни детского дома — это, прежде всего, вопрос контроля. Те безобразные случаи дурного обращения с воспитанниками, которые время от времени обнаруживаются, могли бы быть предотвращены при надлежащем и постоянном контроле. Но ни эпизодические проверки, хотя бы и в форме «детского спецназа», ни строгая отчётность этой задачи не решают. Может быть, её решило бы возрождение попечительских советов, сейчас существующих только на бумаге, которые могли бы совместить в себе «отеческую» близость к детскому дому и независимость от его администрации?

Максимально полная информация о каждом детском доме, сводимая в одну базу данных и систематизируемая, нужна ещё и для проведения исследований, без которых невозможно развитие. Статистика, собираемая сейчас, явно недостаточна и к тому же предоставляется Главным вычислительно-информационным центром Минобрнауки России исключительно на коммерческой основе, что недопустимо.

Но по большому счёту вопросы пространственно-информационной открытости детского дома составляют лишь частный аспект значительно более важной проблемы — его взаимодействия с окружающим миром, детским и взрослым, взаимного участия мира и дома в жизни и делах друг друга. Об этом чуть позже, а пока — ещё один вывод:

Детские дома могут и должны существенно измениться, стать лучше.

Всегда ли новая семья лучше детского дома?

Однако, даже признав существование хороших детских домов и возможность их совершенствования, сторонник ликвидации «Системы» будет продолжать настаивать на своём: ребёнку всегда лучше в семье, чем в учреждении. В ход при этом идёт последний, самый главный, довод: всякий ребёнок для полноценного развития нуждается в своём «единственном взрослом». В норме это родитель, прежде всего мама. Взрослый, который всегда при нём, который его любит и уделяет ему ничем не ограниченное внимание.

Звучит убедительно. Речь, кажется, идёт о базовой потребности всякого человека — я и в преклонном возрасте ощущаю нужду в таком безоговорочно преданном друге.

Но тут всё-таки, если не торопиться с выводами, разговор более конкретный: о наличии такого «единственного» взрослого как условия здорового развития ребёнка. По самой постановке вопроса этот взрослый должен быть рядом с ребёнком в определённый период его жизни, «сенситивный», как говорят психологи, период, когда формируются важные для последующей жизни поведенческие, мотивационные, эмоциональные структуры. Существует вполне разработанная и опытно обоснованная теория формирования и повреждения таких структур, *теория привязанности*.

В.Р. Рокитянский. Есть ли у детского дома будущее?

На неё обычно и ссылаются психологи, отстаивающие абсолютную предпочтительность семейного устройства детскому учреждению. Ребёнок пережил травму привязанности, и если его немедленно не поместить в семью, где новая мама своей любовью заместит маму потерянную, «расстройство привязанности» станет хроническим, и он вырастет душевным калекой, не способным ни любить, ни быть любимым.

Но о чём говорит теория привязанности в серьёзном, не публицистическом изложении? (Я ссылаюсь на основной текст основателя теории Джона Боулби, книгу «Привязанность».) Теория привязанности — *биологическая теория*. Её предметом является инстинктивное поведение, и «системы управления поведением», которые обсуждает Д. Боулби, складывались в ходе эволюции за счёт естественного отбора.

Джон Боулби — методологически очень чёткий автор, и он ясно сознаёт ограничения такого рода теории: она хорошо описывает и объясняет поведение только в меру того, насколько человека можно рассматривать как существо биологическое. Цитирую: «Наша проблема состоит в том, чтобы понять инстинктивное поведение человека. Поэтому, в полной мере признавая поразительную многосторонность человеческих способностей, в том числе его способность к созданию нового, его достижения в преобразовании окружающей среды, тем не менее, заметим, что никакая из этих способностей не является сейчас предметом нашего анализа. В данный момент нас интересуют экологически устойчивые компоненты поведенческого репертуара человека и относительно стабильная зона адаптивности, в которой, по всей вероятности, происходила их эволюция». Д. Боулби называет и то эволюционное преимущество, которое обеспечивается формированием привязанности: защита от опасности. Он всё время подчёркивает отсутствие принципиальных различий между привязанностью у ребёнка и привязанностью у детёнышей животных, особенно высших млекопитающих, но в значительной мере и у птиц. Но из этого следует, что привязанность к единственному, самому близкому существу, каковым в норме является мать, складывающаяся в младенчестве, полностью определяет поведение только в младенчестве же и в ранние детские годы (в среднем до четырёх лет); в последующие годы, включая и зрелость, это происходит ещё и тогда, когда человек находится полностью во власти горя, вызванного утратой близкого человека.

Всю остальную жизнь здоровый человек не ведёт себя только инстинктивно, он ещё и мыслит, перерабатывая то, что поступает в сознание из области инстинктивных структур, и превращая переживаемую привязанность или утрату её объекта в ресурс своего развития.

И вот теперь — к теме патогенных последствий пребывания ребёнка в учреждении. Большинство тех, кто апеллирует к теории привязанности в публичных обсуждениях, валят в одну кучу всё, очень разные случаи институционализации — в обоснование одного, заранее известного приговора: казённый дом ребёнка калечит. Вот эти разные ситуации (перечислю их без подробностей, просто указывая на принципиальные различия):

ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ

1. Ребёнок с первых дней существования остался без матери (отказник, подкидыш). В этом случае привязанность не формируется, потому что сменяющиеся фигуры работников детского учреждения, заботящихся о нём, не позволяют ему фиксироваться на одном, самом близком и надёжном лице. К чему это ведёт? Д. Боулби приводит данные сравнительных исследований детей, с рождения находившихся в учреждении (у нас это «дом ребёнка») и в семье: у детей, воспитывавшихся в семьях, улыбка появлялась на несколько недель раньше, чем у детей из детских учреждений (на шестой — десятой неделе у домашних детей и на девятой — четырнадцатой — у детей из учреждений); в три месяца младенцы из детских учреждений лепечут меньше, чем их сверстники, воспитываемые в семьях. Впоследствии их развитие ещё сильнее отклоняется от развития домашних детей, «они делают меньше попыток вступить в общение, репертуар их выразительных движений беднее, и даже в годовалом возрасте они ещё не проявляют привязанности ни к одному конкретному человеку».

Ну и неоспоримый практический вывод: конечно же, лучшее, что можно пожелать отказнику, — это чтобы его взяли в семью. К счастью, их обычно охотнее всего и усыновляют (за исключением особого случая малышек с глубокими патологиями). В тех же случаях, когда это не получается, делу может помочь закрепление за ребёнком одного, бесценно заботящегося о нём и общающегося с ним лица.

2. Второй случай, который и Д. Боулби, и другие исследователи привязанности рассматривают много обстоятельнее, — это разлука с матерью в младенчестве и раннем детстве (сенситивный период формирования привязанности). Реакция ребёнка, которого лишили контакта с тем, кто обеспечивал в нём чувство безопасности, проходит три фазы:

- 1) неприятие, бунт, попытки вернуть мать;
- 2) отчаяние от невозможности этого;
- 3) отчуждение, безразличие.

Последствия для последующего развития зависят от сроков разлуки. Они наступают и при кратковременной разлуке (госпитализации, например), обычно исчезают через какое-то время после возвращения, но разрушительны и часто необратимы в случае разлучения надолго или навсегда.

3. Близок к предыдущему и случай крайнего пренебрежения или жестокого обращения с малышом в семье, когда в ответ на формирующуюся привязанность он не получает отклика: и в этом случае не возникает или теряется базовое чувство безопасности, без которого развитие невозможно.

4. И вот теперь о детях, по той или иной причине лишаящихся родительского попечения в подростковом возрасте. Или о тех, кто лишился его раньше, но так и не найдя замены, дорос до такого возраста. Иначе: о подростке и его травме привязанности. Вот здесь нужно вспомнить, что уже лет с пяти — шести и чем дальше, тем в меньшей мере допустимо сводить всё исключительно к инстинктивным механизмам поведения, нужно иметь в виду совсем другие, намного большие возможности работы с травмой —

В.Р. Рокитянский. Есть ли у детского дома будущее?

самого ребёнка и того, кто ему помогает. Кое-что здесь проясняет аналогия с процессом горевания у взрослого, переживающего потерю близкого человека. Этот процесс проходит те же три фазы, что и у младенца, разлучённого с матерью, — неприятие, отчаяние, отчуждение. Но если в случае маленького ребёнка третья фаза — самая страшная, потеря самой способности привязываться, любить, то в случае взрослого человека — это, наоборот, возвращение к жизни через принятие неизбежного. Д. Боулби объясняет различие тем, что у ребёнка, в отличие от взрослого, нет средств дать своему горю внешнее и осознанное выражение, «отреагировать» травму.

Этот экскурс в теорию привязанности я закончу не категорическим выводом, а постановкой вопроса.

Да, когда речь идёт о младенце, переживающем несоразмерное его силам горе разлуки, похоже, единственный шанс исцеления — новая мама, любовь которой поможет ему забыть пережитое. Однако в случае подростка, который и забыть-то ничего не может, но зато может много такого, что позволяет ему совсем по-другому взаимодействовать со своей утратой, — так ли уж в этом случае очевидны преимущества помещения его в новую семью?

У Д. Боулби, кстати, есть вариант ответа: «В подростковом периоде и во взрослой жизни в сферу привязанности обычно попадают не только люди из внесемейного круга, но также и группы, и общественные институты. Школа или колледж, группа коллег по работе, религиозное или политическое объединение могут выступать для многих людей в качестве дополнительного «предмета» привязанности, а для некоторых — и главного».

Существуют и некоторые фактические данные в пользу неоднозначности этой последней ситуации. Все исследователи проблем сиротского устройства (а они, как правило, сейчас сторонники размещения детей по семьям) называют подростков в качестве одной из «групп риска». Их значительно менее охотно берут в семьи, часто возвращают — объясняют, почему, я думаю, не нужно. Но, что не менее важно, они и сами далеко не всегда хотят сменить детский дом (если это хороший детский дом) на приёмную семью.

Поэтому можно сделать следующий вывод:

Пока такая категория социальных сирот — лишившихся родительского попечения в подростковом возрасте — сохраняется (а велика ли надежда, что она исчезнет в предвидимое время?), сохраняются и детские дома.

Так что можно с уверенностью сказать, что кампания под лозунгом «Россия без сирот!» своей цели не достигнет. Но зла в ходе попыток её реализации наделает много.

Но всё-таки, остаётся вопрос: что же стоит за стремлением уничтожить десятилетиями складывавшуюся систему? Думаю, что, если копнуть глуб-

ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ

же, за спорами вокруг различных форм сиротского устройства можно увидеть противостояние принципиального свойства — между двумя различными подходами к воспитанию: коллективным и индивидуально-семейным. В истории эти две формы всегда сосуществовали, но в разные эпохи и в разных культурах получала преобладание та или другая. Советская эпоха — это, несомненно, эпоха господства коллективного воспитания, культивируемого государством, которое временами целенаправленно и агрессивно теснило семью. Поэтому вполне понятна реакция современных семей на недавнее прошлое: свести коллективные формы образования и воспитания (а они в большинстве своём обеспечиваются государством) к минимуму: пусть учат основам необходимых знаний, а с остальным мы сами справимся.

Детский дом и мир: взаиморазвитие

Но если мы придём к решению сохранить и развивать детские дома, то встанет вопрос: развивать в каком направлении? Программу развития ещё предстоит разработать, но я выскажу несколько соображений, которые представляются мне убедительными.

Прежде всего, нужно, на мой взгляд, сразу признать, что детские дома должны быть разными, и разрабатывать типологию специализированных учреждений. Специализированных не в том смысле, в каком сейчас различают коррекционные интернаты по видам физических и психических недостатков помещаемых в них детей, а в смысле различия образовательной направленности и, соответственно, применяемых педагогических средств и методов. В идеале можно представить систему детских учреждений, каждое со своей спецификой и своим лицом, так, чтобы существовала возможность подбирать ребёнку наиболее подходящий ему дом. Детский дом и ребёнок должны «находить» друг друга. Подобно тому, как додумались, в конце концов, до того, что помимо банка данных о детях должен быть и банк данных кандидатов в приёмные родители, должен существовать и реестр детских домов с указанием особенностей и педагогических возможностей каждого.

Далее. Необходимо возрождать отечественную традицию трудового воспитания. Многие болезни современного детского дома — иждивенчество, отсутствие ситуаций ответственного принятия решений, закрытость и другие — сами собой исцелятся в условиях коллективной осмысленной деятельности.

При этом вот что важно. Совсем не обязательно в современных условиях всегда и везде воспроизводить труд таким, каким его практиковали у Макаренко, его учеников и современников. Ничто не мешает использовать в педагогических целях приобщение детей к современным высокотехнологичным производствам при том, что и традиционные виды труда заключают в себе возможности развития: сельскохозяйственный труд — к современной агрономии и биологии, швейное ремесло — к дизайну одежды, а строительное — к современным строительным технологиям и архитектуре.

В.Р. Рокитянский. Есть ли у детского дома будущее?

Постановка в центр жизни детского дома коллективной трудовой деятельности — осмысленной, то есть нужной — должна открыть его миру. Для того, чтобы организовать здесь «настоящую», не имитационную деятельность и поддерживать её на высоком уровне, нужно привлекать к сотрудничеству с детским домом производственные, научные, предпринимательские и художественные организации. Речь идёт не о благотворительности, а о сотрудничестве, в котором заинтересованы обе стороны: дети развивают способности и осваивают профессиональные знания и умения, а взрослые готовят для себя кадры.

Ещё одно важное направление развития детского дома связано с преодолением предрассудка об ограниченных возможностях развития ребёнка, обделённого вниманием в детстве и травмированного потерей родителей. Множество наблюдений (да хотя бы опыт «воскрешения» таких детей в приёмных семьях) говорит о высочайшей пластичности детской психики. В детский дом должны прийти современные педагогические методы диагностики и развития способностей. Если сейчас диагностика в сиротских учреждениях нацелена главным образом на выявление скрытых дефектов, то в обновлённой системе её задачей должно стать выявление скрытых способностей.

И последнее. В выражении «детский дом» ничто не указывает на то, что речь идёт о детях, лишившихся семьи. Так почему бы не открыть такой дом для участия в его жизни детей, живущих в семьях? Это трудно себе представить по отношению к современному сиротскому учреждению, но преобразованный детский дом, каким он может стать, вполне может выступить и в роли «дома детского творчества», дома развития для всех детей окружающей территории. Кстати сказать, в этом качестве он вполне может эффективно и естественно выполнять и функцию центра по семейному устройству тех детей, у которых ещё здесь, в детском доме, хорошо складываются отношения с возможными приёмными семьями.

С чего начинать и на что тратить деньги?

Всё сказанное выше воспринимается как утопия. Кто всё это будет делать? Откуда взять людей? Да, разумеется, ключевой для преобразования «Системы» является проблема персонала учреждений, его подбора и подготовки. Именно признание этой проблемы неразрешимой придаёт убедительность будто бы единственно остающемуся «решению»: разобрать по семьям.

Конечно, невозможно единым решением пополнить и обновить персонал всех детских учреждений, но ведь так подобные дела и не делаются.

Первые шаги, на мой взгляд, могли бы выглядеть так. Создаются — при существующих психолого-педагогических учебных заведениях или самостоятельно — несколько центров подготовки персонала для детских домов. Подготовка целыми командами, включающими и воспитателей, и администраторов, и всех, кто ещё нужен детскому дому. Подготовка включает в себя и необходимые теоретические знания, и — обязатель-

ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ

но! — практику в лучших отечественных и зарубежных учреждениях. Набор учащихся (из старших школьников и студентов педагогических училищ) осуществляется обязательно с учётом мотивации, степени её осознанности.

Первые выпуски таких центров не направляются в существующие детские дома, не будем их вообще пока трогать. Ко времени окончания курса для каждой команды создаётся новый детский дом, ведь недостатка вновь поступающих в государственную опеку сирот, увы, в предвидимое время не ожидается. Это будет образцовый детский дом, опытная площадка. Со временем такие дома могут стать и центрами повышения квалификации персонала старых детских учреждений, инструментом их постепенного преобразования.

Характерной чертой всех реформаторских попыток последних лет является то, что они не были никак обоснованы предварительными исследованиями. Не исследовались и последствия каждой уже проведённой реформы. Пора это изменить: нужно, чтобы обо всём происходящем в детских домах и с детскими домами — в том числе и о том, что предлагается в этой статье, — систематически собиралась информация, чтобы она была доступна исследователям, чтобы такие исследования проводились и их результаты открыто обсуждались. Вероятно, в соответствии со сложившейся давно традицией, исследование проблем организации детской жизни могло бы осуществляться в тех же местах, где готовят персонал для детских домов.

А может быть, нужно подумать о создании единого Института детского дома, учебного и исследовательского, с филиалами в регионах.

Коллективное или индивидуальное? И то, и другое!

Вернёмся к принципиальному противостоянию и попробуем встать над идеологической инерцией, посмотреть, какие возможности заключает в себе каждый из этих подходов и в чём они ограничены, в какой мере взаимозаменяемы и насколько совместимы друг с другом.

Преимущества семейного воспитания проистекают из того, чем хороша здоровая семья, — атмосферы интимной близости, взаимного доверия, откровенности. Кроме того, сама жизнь вместе, одной жизнью, в которой всё общее, включая и время, заключает в себе возможность постоянного и ничем не отвлекаемого внимания друг к другу родителей и детей, воспитателей и воспитанников. А это, в свою очередь, позволяет проявлять максимальную чуткость к индивидуальным особенностям ребёнка, гибко реагировать на происходящие в нём изменения, выстраивать вместе с ним его личную траекторию развития.

Однако есть задачи, которые семье, очевидно, не по силам. Она редко когда может дать своими силами полноценное современное образование, это ясно. Но есть и другое: в тесном мирке семьи не могут вполне сформироваться такие свойства человека, как способность к совместной деятель-

В.Р. Рокитянский. Есть ли у детского дома будущее?

ности с разными партнёрами и в разных условиях, как самоопределение и умение заявить свою позицию, как умение посмотреть на себя со стороны, точнее с разных сторон, и другие, которые понадобятся ему во взрослой деятельности жизни.

Всё это как раз и составляет содержание коллективных форм воспитания. Они к тому же дают возможность привлекать к педагогическому делу специалистов, знающих и умеющих то, чего не могут знать и уметь все родители. Для этого, а не только для содержания детей, пока родители на работе, существуют детские сады и школы, детские летние лагеря и детские организации типа бойскаутских или пионерских.

Да, возможности индивидуального подхода к каждому ребёнку в условиях коллектива меньше, чем в семье, но они есть, это вопрос усердия и квалификации воспитателей. Есть они и в детском доме — и много чего ещё. Стоит поэтому увидеть в пребывании здесь ребёнка не только несчастную долю, на которую обрекла его судьба, но и место, которое может многое дать ему для будущей жизни. Если мы об этом позаботимся.